

— Понравилась Москва?

— Конечно, понравилась, — сказал Егор Соловьёв. — Одно плохо — устали совсем. По тайге легче ходить, чем по асфальту.

Соловьёв и Никифоров — лучшие оленеводы колхоза. С детских лет в тайге. Большой опыт приобрели. Умело приучают к упряжке молодых оленей, в том числе и диких — сокжоев.

Труд оленевода тяжёл и опасен. Много сил надо положить, чтоб уберечь молодняк от гибели во время разлива горных речек, от хищников. Вот какую историю рассказал мне Константин Петрович Никифоров.

В сентябре прошлого года он с семьёй возвращался из Тугуро-Чумиканского района, где пасутся стада его бригады. Караван в сорок оленей шёл по руслу речки, в ущелье. Вокруг — высокие скалистые сопки. Вдруг из зарослей стланика вышел медведь и встал в воде, метрах в пяти от головного оленя. Олени будто застыли — ни с места. Константин Петрович кинулся к вьюку, где было ружьё. Рванул ружьё так, что вьюк с продуктами упал в воду. Навёл на медведя, а стрелять не решается: вдруг не убьёт, а только ранит. Ведь рядом мать, жена, дети... А медведь всё стоит. Не нападает и не уходит. И тогда мать Константина Петровича повела караван, держась ближе к противоположному берегу неширокой речушки. А сам Никифоров медленно двинулся за ним, не сводя глаз с медведя.

Караван скрылся за поворотом. Медведь повернулся и ушёл в заросли.

Когда опасность уже миновала, олени вдруг взбунтовались, обезумев от пережитого страха. Насилу их успокоили.

Вечером сделали привал, стали чай пить. И маленький сынишка Петя, видевший медведя впервые, сказал:

— Ой, какая большая чёрная собака была!

Такие случаи часто бывают в жизни эвенка. Но оленеводы выросли в тайге, хорошо знают и любят тайгу и свой труд. На нынешнем собрании бригадиры-оленеводы Е. Д. Соловьёв и К. П. Никифоров заявили, что будут работать ещё лучше, чтобы жизнь земляков была богаче.

Пастбище на Таламе⁵⁹⁰

Оленёнку месяц. Шёрстка у него тёмно-коричневая, с блеском. Ясное дело, захотелось погладить. Но едва я подступил ближе, как это созданыице хрюкнуло басом и заметалось, путаясь в привязи тонкими ножками.

— Боятся человека, — усмехнулся Егор, отпуская оленёнка и его мать снова в тайгу. — Скоро будем их с матками на день в загон загонять. Пусть телята к людям привыкают. А то вырастут дикими.

Егор Соловьёв — бригадир 2-й оленеводческой бригады колхоза «Ул-гэн». Его стадо стоит сейчас на отдельном пастбище, у реки Таламы. Отёл

⁵⁹⁰ Горняк Севера. — 1969, 10 июня. № 56. — С. 2. — Подготовка текста к публикации А. А. Забияко, В. А. Трошиной.

кончается, и почти за каждой важенькой скачет уже оленёнок — тёмный, кофейный или пегий.

Егор — лучший оленевод. В нынешнем месяце, когда произведут учёт поголовья, он передаст стадо Дмитрию Егоровичу Поротову: после тринадцати лет нелёгкой таёжной работы надо немного отдохнуть. Поротов тоже оленевод опытный, имеет медаль «За трудовую доблесть». В бригаде ещё двое пастухов: восемнадцатилетний Иван Чепалов, работающий первый год, и отец Егора — Дмитрий Герасимович.

Утром седлает пастух верхового оленя, берёт ружьё. Берёт и собаку, но привязывает её цепочкой к седлу: собака может задушить оленёнка. За день эвенк изъездит и исходит не один десяток километров по марям, ключам, сопкам. Работы много, особенно сейчас, когда главная задача — уберечь молодняк.

Оленей в стаде сотня, и пасутся они не все вместе, а разбредаются по тайге небольшими группами. Только когда появляются комары, стадо собирается к дымокурам.

Оленевод объезжает эти группы. Перегоняет их туда, где корму побольше. Но пастбище вообще сильно истощено. На собрании колхозники решили: надо искать новые отельные пастбища. Правлению надо позаботиться о выполнении этого решения к будущему году.

То и дело приходится искать отбившихся оленей. А бывает, в стадо набредает глупый сынок дикой важеньки. Его надо изловить: пополнение в стаде.

Поймать оленя, даже старого, привыкшего к вьюку и седлу, не просто. Завидев пастуха, он не спеша, но упорно удаляется.

Тогда пастух достаёт явер — связку кончиков оленьих копыт, привязанную к мешочку с солью — и бренчит этой погремушкой, подзывая: «Ма!.. Ма!..»

Остановится олень. Не хочется ему вьюк таскать, но уж больно вкусна соль в мешочке. Не выдержит, подойдёт.

Но есть упрямы. К ним нужны крутые меры.

— Ма! Ма! — поманил Егор. Но молодой ездовой, пощипывая траву, уходит прочь. Егор сунул мешочек с солью за пазуху и отвязал от седла маут — аркан. Прячась за привязанных оленей, стал подкрадываться.

Метнулся было ездовой, но пастух уже бросил маут — спокойно и точно. Петля, обогнув раскидистые рога, затянулась у самого их основания.

Оказывается, бока животного были изъедены паразитом. Пастух смочил раны какой-то жидкостью и отпустил оленя на волю.

Пробивается по мари тропа.

— Каждый год по ней медведь в стадо ходит, — сказал Егор.

У тропы лежит капкан, привезённый сюда на нартах. Мы разводим ржавые челюсти капкана и осторожно вносим его в подобие низенького шалашика из брёвен. Егор кладёт приманку, капкан прикрывает мхом. А на самом вершине сопки — ещё один сюрприз мишке — медвежья ловуш-

ка. Ловушек вокруг стада больше двадцати. Ежегодно в нескольких из них испускает дух косолапый любитель оленины.

— В эту медведь три года назад попался, — и Егор указал на кости, валяющиеся в траве.

Он привязывает проволокой приманку — протухшую оленью голову. Потянет медведь приманку, и бревно, рухнув сверху, переломит ему конечности.

Вечером сидим в палатке. Анисья Егоровна Федотова ставит на середину столик — ножки его длиной с папиросу. Режет белую лепёшку, испечённую утром, когда все ещё спали. Наливает всем чай с оленьим молоком.

Целый день старушка хлопочет у палатки. Готовит еду, выделывает шкуры, шьёт унты. При ней живут внуки-дошкольники — Эдик и Лена Федотовы.

Кстати, о детях. У Поротовых их восемь. Часть из них — школьники, привезённые в тайгу на каникулы. А те, что ещё не учатся, так и живут в тайге с родителями. Самый маленький спит в берестяной люльке, к которой подвешены погремушки — связки пистонов, оленьих копытцев и позвонков тайменя.

Удивляет эта смесь древнего, национального с современным. Позвонки тайменя — и тут же книги, «Спидола», хорошая одежда...

За чаем Дмитрий Герасимович — отец Егора рассказывает о тайге и о старом времени. Ему шестьдесят три. Он помнит хитрых китайских купцов, к которым эвенки несли пушнину. «Хо!» — кричал китаец, если шкурка была хороша, и давал охотнику немного муки и чая, похожего на сено. Жили эвенки охотой.

— Штаны из шкуры, рубаха из шкуры. До-олго хватит таскать! — посмеивается старик, вспоминая былую нищету.

— Когда колхозом стали, всего сто пятьдесят оленей было. А сейчас в нашем стаде восемьсот сорок голов. На мясо сдавать начали. Хороший доход колхозу...

Гаснет свеча, и запах парафина плывёт по палатке.

Хозяйственный Ваня и Таня-«кутурук»⁵⁹¹

Таёжные картинки

Иванчик любит вырезать из бумаги оленей. Целое бумажное стадо разбрелось по вашему зимовью, а ему всё мало. Вернёшься вечером с охотничьего путика, не успеешь и чаю толком попить — а он тут как тут, с ножницами:

— Ну вы-ырежь оленя!

— Не умею.

⁵⁹¹ Амурская правда. — 1979. 18 марта. — Подготовка текста к публикации А. А. Забияко, В. А. Трошиной.